

Красавец испытывал душевную муку — он предал двух мужчин, и теперь этим мерзким ублюдкам всё досталось даром. Иэрдань искренне любил его, и раз уж нельзя было избежать этого, решил взять всё сполна. Он вырвал меховую подкладку изо рта Яньчжи и грубо прижался губами к его губам. Красавец отвернулся, не позволяя целовать себя, а затем вцепился зубами в его язык, пока не пошла кровь. Иэрдань злобно сжал его подбородок, почти вывихнув челюсть, и снова набросился с поцелуем.

Красавец почувствовал отвратительный привкус вина во рту Иэрданя, и его затолкало. Полунасилие, полусопротивление — и вот они уже на кровати. Иэрдань был грубее и диче своего брата, и его смуглая кожа на фоне белоснежного тела Красавца смотрелась ещё похабнее. От жёстких движений Красавец расплакался, но не стал умолять, а лишь лежал под ним, всхлипывая. Это ещё сильнее распалило Иэрданя. Обхватив его ногу, он взмолился:

— Яньчжи, не оставайся с ним. Будь со мной.

Он продолжал насиловать, при этом говоря ласковые слова:

— Будь со мной, я отвезу тебя в Хулунь, и мы вместе предстанем перед отцом.

При упоминании Ивэйсе Красавец похолодел. Иэрдань оказался ещё бесстыднее брата и, целуя его, проговорил:

— Перед смертью отец велел тебе вернуться в Хулунь как раз для того, чтобы поручить тебя мне.

— Ну как, Яньчжи?

Красавец злобно пнул его. Иэрдань, видя, что тот снова сопротивляется, пришёл в ярость. Исказив лицо, он придавил его тело, вгоняя свой член ещё глубже, словно укрощая дикого зверя:

— Если посмеешь упрямитесь, я тут же расскажу всё Чжао Цзюэ. Он сгоря живьём.

Красавец так и подмывало дать ему пощёчину. Мерзавец, видимо, чувствовал себя внутри него крайне комфортно — всё лицо и тело покрылись горячим потом. Он сидел на корточках позади, грубо трахал его, лаская белоснежные бёдра, живот напрягся — казалось, вот-вот кончит.

Место их соединения уже было скользким, чёрные лобковые волосы Иэрданя промокли от влаги Яньчжи. Тот с наслаждением наблюдал за этим, несколько раз резко дёрнулся и внезапно излился внутрь.

Красавец не ожидал этого. Он уже кончил раз, и живот был залит его же семенем, а теперь он почувствовал, как мерзавец изливается в него. Он задыхался, рот приоткрыт, и беспомощно рыдал. Он не хотел, чтобы тот кончал внутрь — он чувствовал себя осквернённым.

Иэрдань с удовольствием смотрел, как Яньчжи принимает его семя, и, немного протрезвев, опустил голову, чтобы языком ласкать сосок, по-детски присасываясь к нему. Ревниво спросил:

— Ты и мой брат делали это каждую ночь?

Красавец, сгорая от стыда, оттолкнул его голову и попытался подняться с кровати, но волчонок снова грубо прижал его, вонзив острые клыки в горло:

— Если снова заставишь меня страдать, я убью нас обоих.

— И твоего брата тоже!

— Умрём втроём, как тебе, Яньчжи?

Он зловеще улыбался, словно маленький демон, играючи покусывая его кадык, и бесстыдно грозил:

— Если посмеешь уйти с тем ублюдком, я сначала убью тебя, а потом твоего брата.

Красавец ударил его по лицу. Звонкая пощёчина гулко разнеслась по шатру. Иэрдань почувствовал жгучую боль на щеке и посмотрел на него с ненавистью. Красавец, дрогнув под этим взглядом, закрыл глаза и сказал:

— Отвези меня в Лоян.

В Лоян, где его брат изрубит этого мерзавца в фарш. Иэрдань угрюмо промолчал. Красавец холодно спросил:

— Отказываешься?

И тут же попытался оттолкнуть его, прикрикивая:

— Убирайся вон!

Иэрдань крепко обнял его, не реагируя ни на удары, ни на брань, и даже умудрился выглядеть обиженным:

— Не уйду. Хочу жениться на тебе. Только после свадьбы отвезу в Лоян.

В глубине души он всё ещё надеялся заманить его в Хулунь, сделать своей женой и запереть навеки. Красавец, не в силах ни бить, ни кричать, был прижат, словно гора, и Иэрдань не собирался вынимать член, будто намереваясь заночевать.

Снаружи вдруг раздался голос охранника: прибыл правый князь Туци.

Красавец запаниковал, а Иэрдань просиял. Он именно этого и хотел — чтобы брат увидел, как он переспал с Яньчжи прямо у него под носом. Чтобы понял: их связь не так крепка, её легко разрушить. Красавец в ужасе оттолкнул его и стал натягивать одежду, почти взвизгивая охраннику:

— Я сплю! Пусть князь уходит!

Увидев, как Иэрдань, голый по пояс, направляется к выходу, он испуганно позвал:

— Иэрдань.

Иэрдань оглянулся с вызовом. Он лишь наспех натянул штаны, верхняя часть тела была мокрой от пота — кто угодно догадался бы, что он только что натворил. Красавец, готовый расплакаться, прикрыл лицо и взмолился:

— Вернись.

Иэрдань не захотел, продолжая идти к выходу и приговаривая:

— Пусть брат посмотрит, что я натворил.

Красавец, рыдая, умолял:

— У-у... вернись, мерзавец.

И когда он уже подумал, что тот сейчас наломает дров, его снова обняли. Мерзавец бесстыдно смотрел на его слёзы, мерзко ухмыляясь:

— Хочешь, чтобы я остался с тобой, Яньчжи?

Красавец не мог больше смотреть в глаза Улэйжо. Иэрдань обманывал его: мол, если согласится на брак, он отвезёт его в Лоян. Красавец торговался: сначала в Лоян, потом свадьба. Иэрдань хмуро промолчал, и лишь под утро его выгнали из шатра.

Уходя, он снова пролез через собачью дыру за шатром — Красавец запретил ему пользоваться главным входом. Иэрдань чувствовал, что его постоянно унижают. Яньчжи презирал его, ненавидел его, но он ничего не мог поделать. Без угроз и подкупа Яньчжи даже не взглянул бы на него.

В глазах Яньчжи он уже был отъявленным злодеем, так что решил идти до конца — всё равно Красавец не питал к нему ни капли чувств.

На следующий день Красавец всё же встретился с Улэйжо. Он в последний раз попытался умолить мужа рассказать о брате, но Улэйжо, услышав о Ханьском императоре, вспыхнул от ревности и гневно рявкнул:

— Перестань думать о нём!

— В Лояне с ним всё в порядке, забудь о нём поскорее.

Красавец впал в отчаяние. Он сгорал от нетерпения, не зная, как сейчас поживает брат. Уходя, он чуть не сгорел в огне, и брат, наверное, тоже разрывался от горя. Брат наверняка думал, что он и Ли'эр погибли в огне. Он планировал, как только уладится с Улэйжо, постепенно уговорить того отвезти его в Лоян, чтобы хотя бы сообщить брату, что они с Ли'эр живы. Но теперь он не мог ждать ни минуты — уйдёт сегодня же ночью.

Он снова попытался умолять Улэйжо:

— У-у... Чаган, скажи мне, скажи, что с ним. Брат, наверное, думает, что я умер. Он не заболел? Ему не плохо? Скажи мне!

Улэйжо с подозрением спросил:

— Почему ты вдруг заговорил о нём?

Красавец взвизгнул:

— Чаган! Как ты можешь быть таким жестоким! Ты увез меня так далеко, но не говоришь о брате. У тебя вообще есть сердце?

Улэйжо рассердился и пристал:

— Ты спрашиваешь, есть ли у меня сердце? А у тебя оно есть? Сегодня ты говоришь со мной, и в каждой фразе — твой брат. Ты хоть раз подумал обо мне? О моём положении?

Он и сам был в тревоге из-за поведения Иэрданя. Тот не принял его подарков, прогнал всех присланных красавиц, изорвал карты земель в клочья. Иэрдань молчал, не высказывая своего мнения, словно готовился к бунту.

Шаньюй тоже был обеспокоен. Хунну едва стабилизировались, и он не хотел снова ввергаться в междоусобицы, особенно если бунтовщиком окажется родной брат. Он не желал братоубийственной войны.

В тот день атмосфера в царском дворе была напряжённой. Улэйжо и Иэрдань привели тяжёлые войска и расположили их вокруг двора — на всякий случай. Красавец плакал и кричал весь день, но его муж не смягчился. Впервые они поссорились, и Улэйжо, не сумев его успокоить, раздражённо покинул шатёр.

В полночь Красавец, проплакав весь вечер, получил от охранника комплект практичной одежды кочевников. Всклипывая, он посмотрел на одежду, сшитую специально для него, и всё же надел её.

Иэрдань передал ему сообщение: встретиться в полночь и отправиться в Лоян.

Красавец переоделся, взял золотой кинжал, подаренный Ивэйсе, и воловью плеть, подаренную Улэйжо. Накинув толстую лисью шубу, он в сопровождении охранников Иэрданя тайно вышел за пределы царского двора.

<http://bllate.org/book/16253/1462225>